

Лидия Чарская
ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

(отрывок)

КЛЕТЧАТАЯ ДАМА

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскивала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живет в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: “Ну, будь умницей!” — простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал мое внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и сутолокой, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свертками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

- А кто же вас встречать будет, барышня? — вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет — этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хоть самое отдаленное сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно таки устала, но все еще не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натываясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

- Вот, вот еще один похожий, кажется, на дядю! — вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в черной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клетчатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подобает хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

- Невежи! Олухи! Неучи! — кричала на весь вокзал клетчатая дама. — Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуюсь на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время ее падения огромный зонтик и стали расспрашивать, не ушиблась ли она.

- Ушиблась, понятно! — все тем же сердитым голосом кричала дама. — Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А все ты! Все ты! — внезапно накинулась она на меня. — Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди ты у меня, городовому скажу, в полицию отправлю! — И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. — Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! — снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

- Полноте, сударыня, не пугайте ребенка! Видите, девочка сама не своя от страха, — проговорил своим добрым голосом мой защитник, — и то сказать — не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идет. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне ее передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у нее дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слышали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова ее с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудельки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами — все это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец, а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у нее сделались колики.

- Ха-ха-ха! — выкрикивала она. — Вот что еще выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневись, матушка, на этот раз

дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-ха!!!

Не знаю, долго ли еще смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил ее.

- Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, — произнес он строго. — Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот Бог...

- Не ваше дело. Молчать! — неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех ее разом пресекая. — Несите за мною барышнины вещи, — добавила она несколько мягче и, обернувшись ко мне, бросила вскользь: — Идем. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва поспевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролетка, запряженная красивою вороной лошадью. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

- Степан, подавай! — крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дернул вожжами, и нарядная пролетка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно ее мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом все сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нем куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

- Ну, прощайте, милая барышня, — ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, — дай вам Бог счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что — к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живем, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Еще долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

- Ну, долго ли ты еще заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять свое место, наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дернул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролетка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце мое сжималось от страха при мысли о том, что ждет меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.